

ДВА ГОДА ДВИЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ПО НОВОМУ ПУТИ

20 июня 1950 г. в газете «Правда», открывшей свободную дискуссию по вопросам языкознания, была напечатана статья И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Это событие произвело революцию, коренной переворот в развитии науки о языке. В замечательной работе И. В. Сталина, осветившей ярким светом творческого марксизма сложнейшие вопросы языкознания, был указан единственно правильный путь дальнейшего движения советской лингвистики. С выходом в свет труда И. В. Сталина бесповоротно кончилась полоса господства немарксистской теории акад. Н. Я. Марра, основанной на ошибочных, ненаучных представлениях о языке как надстройке, о классовости языка, о стадийности в развитии языка и мышления и о взрыве как основной форме качественного преобразования языка, о четырехэлементном анализе как таинственной отмычке к «закономерностям» «единого языкотворческого процесса», о языковом скрепчивании как универсальном способе образования новых по своему качеству типов и видов языка. В книге И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дано гениальное по глубине, ясности и точности определение основных понятий и категорий марксистской теории и истории языка; здесь заложены прочные методологические основы для широкой и свободной разработки советского языкознания на базе творческого марксизма.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания вдохнули жизнь в советскую науку о языке и вывели ее из состояния кризиса и застоя. Вот уже два года движется советское языкознание по новому пути. С наступлением второй годовщины выхода в свет гениальной сталинской работы, открывшей перед наукой о языке беспредельные горизонты творческих задач и исследований, целесообразно и полезно нам, советским языковедам, оглянуться на пройденную часть пути, трезво оценить свои усилия, достижения и ошибки за это время и дружнее мобилизовать себя для более успешного выполнения великих сталинских предначертаний.

В последних строках сталинской работы «Относительно марксизма в языкознании» кратко, ясно и точно были сформулированы основные задачи деятельности советских языковедов на ближайшее время: «Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,— таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание»¹.

Если первый год работы советских языковедов после появления трудов И. В. Сталина явился годом коренной перестройки научно-исследовательской и научно-педагогической работы, годом организации и сосредоточения всех сил для работы по-новому, то от второго года работы наша страна вправе ждать и требовать гораздо большего. Советские языковеды получили возможность, опираясь на сталинское учение о языке, внедряя

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

марксизм в языкознание, проникнуть во внутренние законы развития языковых явлений, увидеть в настоящем свете процесс исторического движения языков, всесторонне изучить и понять те пути, по которым этот процесс идет в нашей стране с ее многочисленными языками, и активно содействовать совершенствованию языков социалистических наций.

Много ли сделано советскими языковедами за этот год для выполнения тех задач, которые поставлены перед ними трудами И. В. Сталина?

Все три задачи, выдвинутые И. В. Сталиным, неразрывно связаны друг с другом. Связь эта — глубокая, внутренняя. Правда, И. В. Сталин отметил, что уже свободная лингвистическая дискуссия 1950 г. выставила на свет божий аракчеевский режим, установленный в органах языкознания «учениками» Н. Я. Марра, и разбила его вдребезги. Однако И. В. Сталин подчеркнул, что для оздоровления советского языкознания, для свободного и творческого его развития необходима полная ликвидация аракчеевского режима и всех его пережитков.

Основными качествами аракчеевского режима в области науки являются отрицание свободы критики, творческих дискуссий, пренебрежительное отношение к самокритике — этому закону развития социалистического общества, беспринципная, не отказывающаяся ни от каких средств морального и организационного давления на «непокорных» охрана ненаучной рутины только потому, что она для отдельной группы ученых выгодна и удобна, связанное с этой беспринципностью замалчивание несообразностей той теории, которая «непогрешимой кастой руководителей» возведена в догму, а также и своих собственных ошибок и промахов, талмудизм и начетничество, а иногда и невежество в вопросах марксизма, антипатриотическое презрение к научной традиции и самодовольное, нескромное высокомерие зазнавшихся выскочек. Задача ликвидации аракчеевского режима и его пережитков требовала идейно-политического воспитания лингвистических кадров и прежде всего бывших «учеников» Н. Я. Марра и их подголосков, требовала широкого развития творческих дискуссий, свободы критики и самокритики в языковедческой среде, требовала глубокой принципиальности и мужества как в борьбе с чужими ошибками и в отказе от своих заблуждений, так и в отстаивании своих научно обоснованных воззрений, требовала новаторского, проникнутого духом творческого марксизма отношения к теоретическим и практическим вопросам языкознания. Несомненно, что за прошедшие два года была проделана большая идейно-политическая и научно-воспитательная работа по перевооружению, по переподготовке кадров бывших сторонников «нового учения» о языке, а также по усовершенствованию и научному инструктированию деятелей языкознания на периферии, по выращиванию новой молодой лингвистической смены. Содержательность, научно-теоретическая и практическая целесообразность, повысившийся научный уровень, ясная методологическая направленность и фактическая оснащенность многочисленных языковедческих диссертаций — докторских и кандидатских, защищенных и представленных к защите за последние два года, также убедительно свидетельствуют о возрождении, о подъеме советского языкознания. Нельзя не видеть и того факта, что общественные требования к научному качеству лингвистических работ повысились. Большинство языковедов прониклись сознанием своей огромной ответственности перед народом и важности своей научно-исследовательской и научно-практической деятельности, направленной к достижению тех целей, которые поставлены перед советскими языковедами великим Сталиным.

Растет и уважение к истинной лингвистической науке, сказывающееся в глубоком и добросовестном исследовании языкового материала, в сознании необходимости твердых научных, марксистски обоснованных дока-

зательств той или иной теории, в понимании задач и приемов подлинной советской критики и самокритики. Есть отрадные признаки того, что польза, ценность творческих дискуссий, если они проходят на высоком научном уровне, все больше и больше осознаются широкими кругами лингвистов. Во второй половине 1951 г. и в начале 1952 г. были проведены дискуссии по вопросам происхождения языков и народов (Институтом языкознания АН СССР совместно с институтами Истории, Этнографии и Истории материальной культуры), по вопросу о внутренних законах развития языка, по важнейшим вопросам теоретического и практического языкознания в Молдавской, Казахской и Узбекской ССР, по вопросам изучения коми-языка и близко родственных финно-угорских языков, по вопросам развития языков прибалтийских стран, по вопросу об ошибках в исследовании осетинского языка и фольклора и др. Широкий интерес общественности к этим дискуссиям, многочисленные и содержательные выступления в ходе дискуссий, важные проблемы, выдвигавшиеся их участниками, итоги, выводы и решения, касавшиеся общих и конкретных вопросов науки о языке вообще и истории отдельных языков в частности, и намечавшие верные пути дальнейшей работы в области теоретического и практического языкознания, — все это говорит о начавшемся оздоровлении и даже выздоровлении советского языкознания, как в центре, так и на местах. Но было бы излишним оптимизмом думать, что эта интенсивная научная жизнь во всех языковедческих учреждениях нашей страны идет одинаково стремительным темпом, что пробужденная лингвистическая мысль уже всюду бьет ключом. (Ср. характеристику состояния языковедческой работы в разных национальных республиках и областях в передовой статье № 1 «Вопросов языкознания»).

Тревожные сигналы о неблагополучии, о трудностях изживания антинаучных навыков, приобретенных за время господства теории Н. Я. Марра, о попытках прежних аракчеевцев — вместо глубокой и добросовестной самокритики — укрыться под излюбленную ими сень талмудизма и мнимых разоблачений чужих ошибок, о подмене больших и важных проблем исследования того или иного национального языка в свете сталинского учения о языке узко практическими, иногда очень частными и даже мелкими задачами, нередко с оттенком националистического пуризма, о воспитанных «новым учением» о языке антиисторических замашках в подходе к языку, о невладении методом сравнительно-исторического исследования и т. п. — доходили из различных языковедческих учреждений некоторых национальных республик и областей: из Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Коми-Филиала Академии Наук СССР, из Молдавии, Северной Осетии и др. Здесь сказалось тяжелое наследие аракчеевского режима: наличных кадров мало для решения тех грандиозных задач, которые поставлены перед языкознанием И. В. Сталиным. Поэтому необходимо улучшить подготовку лингвистической смены. Необходимо воспитывать глубокую, непримиримую принципиальность в защите своих взглядов, если они марксистски обобщают реально-исторические процессы развития языка, и способность открыто и честно признать ошибочность своего убеждения, если оно противоречит живой языковой действительности. «Наука непримиримо враждебна догматизму, приверженности к отжившему, не соответствующему уже новой исторической обстановке, практике»².

*

Нельзя отрицать значительных достижений советского языкознания в борьбе с ошибками теории Н. Я. Марра, в освобождении от антимарксистских ненаучных положений «нового учения» о языке. Но эти достижения

² «Большевик», 1952, № 6, стр. 4.

дались не без усилий и не без напряжения. Особенно болезненным и трудным оказался процесс идеологического перевоспитания для некоторых «учеников» Н. Я. Марра, которым пришлось не только «перестраиваться», но иногда даже учиться сызнова. Принципы конкретно-исторического и сравнительно-исторического изучения языка были чужды тем, кто был привычно настроен на стадильно-типологические рассуждения о языковых явлениях или на абстрактное, оторванное от живой языковой действительности, вульгарно-социологическое теоретизирование по поводу разных, нередко полужнакомых языков. Медленность перестройки, стремление уклониться от самокритического анализа допущенных ошибок и извращений марксистской теории и от какого бы то ни было участия в общей напряженной творческой работе советских языковедов, желание занять позицию стороннего наблюдателя под флагом мнимой необходимости вести только «конкретные» исследования — были характерны для части бывших «учеников» Марра. Все это отмечалось в соответствующих постановлениях Президиума Академии Наук СССР при проверке хода научно-исследовательской работы по языкознанию. Некоторые из бывших представителей «нового учения» о языке, вместо того чтобы критикой собственных теоретических ошибок, их глубоким разоблачением помочь освобождению советского языкознания от ошибок Н. Я. Марра, охотно занимались яростными и не всегда целенаправленными общими нападками на работы Марра и вылавливанием чужих упущений и обмолвок. В этом отношении особенно характерна «деятельность» проф. Г. П. Сердюченко, проф. С. Аманжолова и других.

Широкому и всестороннему развертыванию борьбы с ошибками Н. Я. Марра и его «учеников» первоначально мешало медленное осознание многочисленными сторонниками «нового учения» о языке всего вреда и всего многообразия тех извращений подлинно марксистского подхода к языку, которые содержались в их работах и по общему языкознанию и по конкретному изучению отдельных языков. Ясно выступало стремление путем некоторых уступок, путем отказа от принципа стадильности, от теории «взрывов», от «классовости языка» сохранить, сберечь чуждые историзму абстрактно-типологические схемы сопоставления языков, «понятийные категории» хотя бы в скрытом виде, навыки семантико-синтаксического анализа с уклоном в «идеологию», привитые работами акад. И. И. Мещанинова. В этом отношении показательны заявления самого акад. И. И. Мещанинова о существе и ценности деятельности Н. Я. Марра и его «учеников»: «Чем мы, в конце концов, занимались? Анализом наличного материала, установлением наличных форм, т. е. тем, что, я бы сказал, требуется для начальных классов средней школы, когда учащемуся нужно знать, сколько отдельных грамматических форм в таком-то падеже, как изменяются падежи и т. д. Для нас этим изучение бы и ограничилось, ограничилось бы потому, что мы, при всем своем убеждении, что мы историчны, глубже в историю идти не могли, так как нас сковали рамки стадильности... Мы были замкнуты в эту стадию»³.

Таким образом, путем преднамеренного ограничения и принижения сферы интересов и претензий «нового учения» о языке предлагалось сохранить его скромные «достижения» хотя бы в области статического, описательного изучения современных языков народов Советского Союза, «достижения», не имеющие ничего общего со сталинским учением о языке.

³ Выступление акад. И. И. Мещанинова на Объединенной научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в советской школе, стеногр. отчет, «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», вып. 39, М. 1952, стр. 158.

Борьба с ошибочными положениями теории Н. Я. Марра, критика общих ненаучных основ «нового учения» о языке, анализ и показ того вреда, который это учение нанесло нашей науке, — приобретали в течение этого второго года развития советского, сталинского языкознания все более широкий размах, все более глубокий и принципиальный характер. С разной степенью остроты и на разной глубине научно-теоретического осмысления критика ложных основ «нового учения» о языке происходила во всех языковедческих учреждениях, во всех республиках и областях нашей страны. Она нашла отражение в нескольких изданных или подготовленных сборниках (например, по вопросам украинского, казахского, узбекского, латвийского, армянского, молдавского, бурят-монгольского языкознания), во множестве брошюр, журнальных и газетных статей. Наиболее концентрированное и полное выражение критика основных положений теории Н. Я. Марра и главных ошибок марровского характера в области изучения разных языков и групп родственных языков получила в сборнике «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», второй том которого только что вышел в свет.

О том, насколько далеко вперед ушло советское языкознание от основных положений «нового учения» о языке, можно судить по той исторической перспективе, в которой воспринимаются теперь еще такие недавние и вместе с тем уже такие далекие широковещательные декларации Г. П. Сердюченко, С. Д. Кацнельсона, Н. С. Чемоданова, Н. Ф. Яковлева и других энциклопедистов «учения» Н. Я. Марра. И все же нельзя не видеть, что предстоит еще очень большая и упорная работа по искоренению тех отрицательных научно-общественных явлений в лингвистической среде, которые являются следствием господства ошибочной теории Н. Я. Марра. Сюда относятся: отсутствие у части лингвистов интереса к теории и практике конкретно-исторического исследования языка, отрыв истории языка от истории народа, неумение применять сравнительно-исторический метод, смешение лексики с грамматикой или как контраст механическое отсечение грамматики от лексики, неясное и путаное понимание задач отдельных лингвистических дисциплин, нечеткое представление о принципах построения описательной грамматики, голый эмпиризм в практике лексикологической и лексикографической работы, недооценка важности стилистики национального языка, теоретическая беспомощность в вопросах изучения истории литературного языка и языка художественной литературы.

Само собой разумеется, что лучшим критерием для определения или измерения глубины и силы освобождения советского языкознания от ошибок Марра и от ошибок буржуазно-идеалистических воззрений должно быть высокое идеологическое качество и научно-исследовательская ценность лингвистической продукции за это время.

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» было дано ясное и точное изложение общей теории марксистского языкознания. Естественно, что советские языковеды прежде всего должны были заняться освоением и изучением основ марксистской теории и истории языка, установленных И. В. Сталиным, и осмыслением с этих научных позиций того языкового материала, который был до этого времени накоплен. Вопросы структуры языка, необходимость конкретизировать понятие основного словарного фонда и углубить понимание отдельных грамматических категорий и грамматического строя в целом — применительно к тому или иному национальному языку, проблема переосмысления исторических

взаимоотношений национального языка и его диалектов, а также отношения современного литературного языка к книжному языку прошлого и его стилям, вопросы словообразования и причины изменений словарного состава языка, проблемы нормализации языка и его общественной регламентации в свете сталинского учения о языке, общие перспективы сравнительно-исторического исследования родственных языков — эти и многие другие вопросы, возникшие в связи с изучением работ И. В. Сталина по языкознанию, всколыхнули советскую языковедческую науку и вызвали в ней творческое оживление и стремительное движение. Но вначале работа пошла не столько вглубь, сколько вширь.

Удовлетворяя запросы и требования советского общества, общенародный интерес к сталинскому учению о языке, советские языковеды провели большую работу по пропаганде основ марксистского языкознания среди научных работников, педагогов, учащихся, в широких кругах советской интеллигенции. Эта работа помогла советским языковедам глубоко, творчески осваивать принципы сталинского учения о языке. Она потребовала самостоятельного применения основ марксистского языкознания к конкретному материалу различных языков, в первую очередь языков народов Советского Союза, и прежде всего русского языка, его истории, его современного состояния. Само собой разумеется, что сюда же входили и вопросы создания учебников по разным национальным языкам и учебных пособий по всем языковедческим дисциплинам в свете сталинских указаний. Острая нужда в учебниках и учебных пособиях, построенных на основе сталинского учения о языке, еще не удовлетворена даже в самых скромных размерах. Нет еще и желательного теоретического размаха, научно оправданной смелости и остроты, идеологической оснащенности и выдержанности в постановке и обсуждении важных проблем марксистского языкознания, направляющих и организующих работу на таких еще мало-разработанных участках нашей науки, как семасиология, фонология, взаимоотношение логики и грамматики, история языка и мышления, сравнительно-историческое изучение родственных языков, теория художественной речи, теория перевода и стилистика.

Правда, и в течение минувшего года обсуждался вопрос о слове, понятии и значении, о том, что следует более глубоко и точно различать значения слов и содержание мысли, выражаемой посредством этих слов, разграничивать законы и формы мышления и его содержание. И. В. Сталин указал, что в языке «...подавляющая масса слов и выражений, как и их семантика, являются общими для всех классов общества»⁴. Языковедам стала ясна необходимость всестороннего исследования социально-исторических причин изменения значений слов, а также разных типов и закономерностей этих изменений. Сюда же примыкает задача изучения того процесса, посредством которого на значение слова наслаиваются смысловые оттенки, связанные с содержанием мысли, прикрепляемой к этому слову в определенной общественной среде, поскольку мировоззрение, как система взглядов и идей, иногда накладывает свой отпечаток на некоторые слова и выражения. Но все эти сложные вопросы еще не получили глубокой теоретической и конкретно-исторической разработки с широким привлечением иллюстративного языкового материала.

В результате длительного обсуждения вопросов логики наши философы, подводя итоги дискуссии, пришли к сознанию неотложной необходимости настойчиво и целеустремленно взяться за решение задач огромной важности, стоящих перед советскими логиками, и прежде всего задач, вытекающих из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 40.

«Необходимо на конкретном материале разработать вопрос о единстве языка и мышления, логических и грамматических форм, о взаимоотношении логики и грамматики... формальная логика, исследуя свой предмет, поступает с ним так же, как поступает со своим предметом грамматика. При изучении форм и законов мышления она берет общее и отвлекается от единичного, конкретного. Рассматривая понятие, суждение, умозаключение, она формулирует правила, которые касаются не тех или иных конкретных понятий, суждений, умозаключений, но понятий вообще, суждений вообще, умозаключений вообще; следовательно, она отвлекается от конкретного содержания понятий, суждений, умозаключений. Исследование с этой стороны связи между логикой и грамматикой является чрезвычайно благодарной задачей». Не менее важен и вопрос о суждении и его взаимоотношениях с предложением⁵. Многое в постановке и разрешении вопроса о взаимоотношении грамматики и логики может проясниться при внесении в формальную логику тех поправок, о необходимости которых говорил В. И. Ленин. Эти поправки должны идти в направлении полного очищения формальной логики от средневековой схоластики, ликвидации отрыва формальной логики от жизни, от практики. Стремление сблизить логику с языкознанием заводит некоторых логиков очень далеко. Так, проф. П. С. Попов полагает, что логика является продолжением семасиологии, т. е. учения о смысловой стороне слов и выражений⁶. Правда, тут же указывается, что логическая семасиология выходит за пределы языковедческой семасиологии. Но утверждается, что семасиология исторически сложившихся языков является базой логики, «как содержание ощущений является базой мыслительной деятельности, но ее не покрывает и не исчерпывает». Аналогия между языком и ощущениями — крайне рискованная аналогия. Становится тем более непонятным, о семасиологии каких языков идет речь и нет ли тут смещения приема раскрытия логических категорий и операций при помощи материала того или иного языка с внутренним содержанием самой логики как науки. Во всех этих рассуждениях язык берется как общее, внеисторическое и вненациональное понятие, как язык вообще, хотя в качестве иллюстрации того, как языковые показатели оказываются определяющими и обосновывающими важнейшие понятия и категории логики, приводятся факты латинского и современного русского языка. Особенно важными для логики представляются П. С. Попову явления «живых языков». Исходной базой для определения структуры познавательной мысли, по его словам, «являются неизменно конкретные живые языки; они доставляют тот материал, благодаря которому мы можем усмотреть значимость логических аксиом» (стр. 61).

Во всяком случае необходимо признать, что попытки разъяснить взаимоотношение и взаимодействие логики и грамматики, логики и семасиологии (вспомним из прошлого, например, рассуждения о семасиологической основе предикации и предикативности у Серрюса в книге «Логико-грамматический параллелизм») пока еще не дали ничего конкретно нового и поучительного для самого языкознания. И все же нельзя не заметить, что наряду с расширением и развитием деятельности по созданию словарей и грамматик отдельных национальных языков, наряду с развертыванием изысканий по истории и диалектологии разных языков, изучение целого ряда сложных и важных вопросов марксистского языкознания в истекшем году значительно продвинулось вперед.

⁵ См. «К итогам обсуждения вопросов логики», «Вопросы философии», 1951, № 6, стр. 149.

⁶ См. П. С. Попов, Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики, «Вестник Московского университета», 1951, № 9, серия общественных наук, № 4, стр. 56 и след.

Следует особенно подчеркнуть результаты творческих дискуссий по вопросу о внутренних законах развития языка, исследование закономерностей развития языков народов Советского Союза, изучение истории языковедческой науки и некоторое оживление в области истолкования специфики речи литературно-художественных произведений в связи с исследованием стилей современных национальных языков.

*

В разработке вопроса о внутренних законах развития языка за истекший год произошел заметный сдвиг, достигнуты некоторая конкретизация и теоретическое раскрытие понятия внутренних законов развития языка (как общих всем языкам, так и частных, свойственных тому или иному отдельному языку или группе родственных языков); сделаны попытки освещения грамматического строя отдельных языков на основе этого марксистского понятия; показано отличие содержания понятия «внутренних законов развития языка» от «лингвистического закона» в домарксистском языкознании; подчеркнуто соотношение и взаимодействие внутренних законов развития языка и правил функционирования, употребления языка как «системы»; выдвинута задача исследования закономерностей развития всех сторон языка в их взаимосвязанности и взаимообусловленности; поставлен вопрос о важности изучения тенденций развития языка, обусловленных его функцией как средства общенародного общения и историческим обогащением форм общения. В результате дискуссий определилось, в частности, понимание внутренних законов развития языка как динамических законов взаимосвязи изменений структуры языка во всех ее звеньях. Эти законы исторически изменчивы. Охватывая грамматический строй, основной словарный фонд и связанную с ним подвижную часть словарного состава, а также звуковую систему языка, они определяют общее направление изменений качества того или иного национального языка, обуславливают периодизацию истории языка. Понятно, что изучение развития языков и внутренних законов этого развития должно проводиться в неразрывной связи с историей соответствующего народа. Некоторые из этих законов развития оказываются общими у группы родственных языков, особенно на первых этапах их дифференциации, но и тут очень важны наблюдения над специфическими отличиями их действия в истории отдельных языков. На основе этих прояснившихся принципов сделаны общие очерки внутренних законов развития грамматического строя русского, немецкого, английского и других языков. Все это, конечно, еще только начало решения важной задачи — построения истории развития отдельных языков и групп родственных языков на широкой марксистской базе, на основе всестороннего изучения связи языков и законов их развития с историей народов.

Уже обозначились и некоторые опасности, подстерегающие лингвистов на пути к решению этой задачи. Прежде всего очень легко впасть в историзм чисто внешний. Насколько такая опасность реальна, свидетельствуют некоторые поспешные попытки немедленно, не отягощая себя исследованием фактов, построить «периодизацию» истории языка (русского, украинского, белорусского, узбекского, казахского, болгарского и др.). Ревнители такой периодизации жаждут, в сущности, только одного: полочек и рубрик, номенклатуры и заголовков. Они забывают, что установить действительную периодизацию истории языка можно только после тщательного изучения конкретных изменений разных сторон языка, в результате исследования, завершающегося открытием внутренних законов развития

этого языка. Понимание этого и было, в частности, положительным результатом дискуссии по периодизации узбекского языка, состоявшейся в феврале этого года в Ташкенте. Нам нужно проделать, строго говоря, совершенно новую работу по выяснению того, как именно язык связан с историей народов, в чем искать эту связь и как ее оценивать. Преемное домарксистское языкознание надежных путей для этого нам не показывает.

Дала себя знать и другая, не менее серьезная опасность, лежащая на пути историко-лингвистического исследования: снова впасть в вульгарный социологизм — тот самый, в который многие из нас впадали, наивно полагая, что «открытие» классовости языка — это верх марксизма в языкознании. Эта ошибка объяснялась в свое время многими причинами и, среди них, научной неразработанностью самого положения об историчности языка и о действительном характере его связи с историей народа. Руководящие сталинские указания в этой области нам даны, надо только уметь их правильно понять и применить на деле.

Необходимо в этой связи глубоко вникнуть в указание И. В. Сталина на то, что отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку и что эти группы и классы стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. При изучении исторических закономерностей развития словарного состава языка, при изучении идеологической борьбы по вопросу о нормах литературного языка это положение сталинского учения приобретает особенную, решающую силу. Не в бровь, а в глаз попадает оно некоторым деятелям в наших братских республиках, пытавшимся засорять современные литературные языки элементами старой арабо-персидской лексики (Узбекистан). Система основных положений марксистской науки о языке, изложенная в трудах И. В. Сталина, служит исчерпывающим и верным методологическим руководством в работе над изучением законов развития языков мира.

*

Общая историческая перспектива и общие исторические условия развития языков народов СССР, осуществляющих небывалое в мире строительство социалистического общества и переход к коммунизму, выражаются в наличии некоторых общих тенденций развития этих языков. Изучение этих закономерностей в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию у нас несколько продвинулось в 1951 и 1952 гг. Вопросы развития языков социалистических наций имеют очень большое значение для советского языкознания, и теоретическое и практическое. Для многих языков с этим развитием связан переход от бесписьменного существования к многообразию стилевых типов и функций литературного языка как формы быстро расцветающей национальной культуры. Для других это развитие знаменует огромное обогащение словарного состава, усовершенствование и шлифовку грамматики, тонкую дифференциацию средств стилистики национального языка. Относящиеся сюда процессы так разнообразны и исторически значительны, что изучение их представляет для советского языкознания исключительный интерес. Этим изучением закладывается твердая база для установления закономерностей развития языков социалистических наций.

На основе этого изучения раскрываются своеобразия перехода от языков племенных к языкам народностей и к национальным языкам — в условиях социалистического развития советского общества, воплощающего в жизнь принципы ленинско-сталинской национальной политики. Мелкие племена и народности, которые были обречены вместе со своими языками в условиях капитализма на гибель и вымирание, в Советскую

эпоху или развивают свою письменность, или консолидируются с родственными народами, приобщаясь к их национальному языку и культуре, или (как, например, шорпы, гагаузы) сохраняют свой родной язык для бытового общения, используя в функции литературного великий русский язык. Во многих случаях процесс образования социалистической нации из отдельных этнических племенных групп протекал, минуя этапы развития их в качестве народностей и буржуазных наций. Особенно многообразными и разносторонними представляются процессы развития в сфере национально-литературных языков, обслуживающих расцветающую социалистическую культуру, прессу, театр, школьное преподавание, художественную литературу соответствующих народов Советского Союза. В изучении этих процессов по отношению к разным национальным языкам (например, русскому, украинскому, грузинскому, армянскому, казахскому и др.) достигнуты в последнее время некоторые результаты.

С чрезвычайной силой и остротой выдвинулся вопрос об образовании общего лексического фонда социалистической культуры в языках народов СССР. Этот вопрос возник в результате тех резких изменений в ходе мировой истории, которые произошли под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и последующего мощного — культурного, политического и экономического развития народов Советского Союза, а также стран народной демократии. Общий могучий подъем культуры, техники и экономики многочисленных народов Советского Союза, находившихся до социалистического переворота под классовым и национальным гнетом, не мог не отразиться на развитии их языков, стилистики и словарного состава этих языков. У многих до этого времени бесписьменных народов этот процесс начинался или сопровождался созданием письменности, литературного языка. Широкое и свободное, полнокровное развитие языков социалистических наций протекает при содействии русского языка, языка великого русского народа.

По отношению к отдельным национальным языкам народов Советского Союза осознана задача — на основе сталинского учения о языке установить формы и принципы освоения ими русской общественно-политической и научной терминологии и отвлеченной лексики, широким потоком вливающейся в словарный состав этих языков. Известно, что переводчики русских общественно-политических, публицистических и научных произведений на другие языки социалистических наций нередко сохраняют в тексте перевода русские слова и основы даже в тех случаях, когда есть возможность найти в своем родном национальном языке подходящие выражения для передачи соответствующих понятий.

Крайне необходимы теоретические обобщения в области той поистине грандиозной работы по созданию национальной терминологии, которая развернулась во всех республиках и автономных областях Советского Союза. Эти обобщения должны охватить и развитие интернациональной терминологической лексики, особенно социалистический вклад в нее, сделанный великим русским языком. Усилившаяся работа по созданию терминологических словарей, по кодификации терминологии в разных национальных языках приближает нас к решению этих больших и важных задач. С вопросом об усвоении русской общественно-политической и научно-технической лексики тесно связан и вопрос о внутренних лексических ресурсах того или иного национального языка, об их использовании для передачи отвлеченных понятий или строго очерченного содержания, присущего терминам. Синонимия заимствованных из русского и своих национальных слов во многих национальных языках социалистических наций связана с разграничением стилей разговорной речи и художественной литературы, с одной стороны, и стилей научной и общественно-пуб-

лицистической речи, с другой. Поступают сигналы, что язык переводов (например, в коми-языке) отделяется от народной разговорной речи. Возросший интерес языковедов к реально-историческим условиям развития национального языка, более глубокое понимание языковой структуры и законов ее изменений привели к постановке целого ряда очень важных практических вопросов, относящихся к судьбам разных языков народов Советского Союза. Так, например, возник и горячо обсуждается у марийцев вопрос о возможности перехода к единому общенациональному марийскому языку. Требуем всестороннего изучения вопрос о постепенном сближении двух литературных языков одного и того же народа, например, мордовского (поднятый в статье А. Е. Мординова и Г. Д. Санжеева).

В Советскую эпоху уже происходили изменения диалектной базы в развитии некоторых литературных языков. Так, до Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы имели созданную миссионерами церковную письменность и литературный язык узкого применения на базе телеутского диалекта. В первые же годы после революции база была заменена другой: в основу литературного алтайского языка лег более крупный собственно алтайский диалект, с более широкими перспективами развития. В настоящее время в лингвистической среде обсуждается вопрос о целесообразности перевода на иную диалектную базу письменности таких языков, как эвенский и эвенкийский.

Выяснение роли диалектов в развитии современных младописьменных языков тесно связано с изучением соотношений ведущего диалекта, который лег в основу соответствующего литературного языка, и других диалектных ответвлений этого же языка. Только на основе такого рода исследований может быть правильно решен вопрос об использовании диалектных элементов для обогащения письменного языка, хотя бы в рамках языка художественной литературы (например, в отношении коми-языка). К этому вопросу близок и вопрос об обогащении литературного языка продуктами устного народного творчества, его изобразительными средствами, идиомами, фразеологическими выражениями. Исследование тенденций и закономерностей развития языков социалистических наций не может пройти мимо процессов концентрации местных диалектов при образовании национальных языков (например, хакасского) или процессов нивелировки, растворения диалектов вплоть до полного слияния их (как, например, в алтайском языке).

И. В. Сталин подверг сокрушительной критике марровскую теорию языкового скрещения как универсального средства образования новых по своему качеству языков.

Необходимо было положить конец распространению у нас этой ложной теории.

Изучение конкретных процессов взаимодействия, скрещивания языков имеет и большое практическое, общественно-политическое значение. Оно помогает, например, уяснить взаимоотношения структур таких языков, как узбекский и таджикский. Новейшие исследования (В. С. Расторгуевой, А. К. Боровкова и др.) показывают, что многовековое соседство двух братских народов не могло не найти отражения в развитии языков этих народов, но взаимодействие обоих языков не привело к «смешению» их, к образованию гибридов, «скрещенных языков».

Таким образом, наша страна с ее огромным количеством разных языков дает возможность наблюдать и изучать очень разнообразный и по своему строю и по степени своего развития языковой материал, причем наблюдать и изучать его в действии, в кипучей исторической жизни народов — творцов и носителей этих языков. Нужно только уметь эту жизнь видеть, ее понимать, в ней участвовать.

Для углубления наших обобщений о закономерностях развития языков социалистических наций необходимо еще интенсивнее изучать историю языков народов Советского Союза. В каждой союзной республике, во всех национальных автономных областях есть свои научные организации по изучению своих языков, есть свои высшие учебные заведения, где изучается родной язык. Условия для развития такого изучения у нас — еще невиданные в истории. При наличии же объединяющей нас всех научной теории — этого решающего условия успеха — естественно ожидать и требовать несравненно более значительных результатов, чем те, которые до сих пор достигнуты советскими лингвистами.

Конечно, как бы много языков ни было представлено в семье народов Советского Союза, как бы ни были они разнообразны, советские лингвисты не ограничиваются только ими. У нас уже давно существует прочная традиция изучения различных европейских языков и языков народов Азии. К сожалению, очень слабо представлено у нас изучение языков народов малайского мира, языков Африки. По ряду языков мы еще очень серьезно отстаем, и пока еще ничего не сделано для ликвидации этого отставания. Расширение кругозора нашей науки в этом направлении совершенно необходимо.

*

Расширение базы лингвистической работы, естественно, связано с овладением всеми достижениями предшествующей лингвистической науки.

История лингвистики должна быть для нас живым источником развития наших представлений о языке, о типах языка, о специальных приемах изучения языка, о борьбе материалистических и идеалистических теорий в разработке основ лингвистики. История лингвистики должна быть важным звеном нашей общей лингвистической подготовки, она должна связать наше собственное изучение языков с общим процессом развития изучения языка. Чтобы развивать дальше науку о языке, необходимо серьезно и глубоко знать ее историю.

Марр и его «ученики» воображали, что они строят свое «новое учение» о языке на пустом месте. Они отрицали пользу обращения к научному наследию. Для них история лингвистики о языке (в том числе и нашей отечественной) была тяжелой цепью сплошных извращений и заблуждений. У классиков марксизма-ленинизма они искали лишь цитат, посредством ложного толкования которых пытались подкрепить свою антимарксистскую теорию. И. В. Сталин указал на необходимость воспользоваться для развития марксистского лингвизма всем ценным и поучительным, что содержится в предшествующей истории науки о языке. И. В. Сталин, говоря о высокомерном и кичливом нигилизме Марра и марровцев в отношении к лингвистическому наследию, отметил: «Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»⁷. Таким образом, перед советскими лингвистами была поставлена задача — творчески освоить и использовать в теории и практике марксистского лингвизма все факты, обобщения и приемы, добытые и открытые предшествующим развитием лингвистической науки. Для этого нужно было самостоятельно и глубоко исторично с позиций сталинского учения о языке, с позиций творческого марксизма изучить и воспроизвести историю лингвизма, иначе говоря: создать марксистскую историю лингвистической науки. Нельзя было для этого брать факты и материалы из вторых рук, нельзя было полагаться на чужие оценки.

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы лингвистики, стр. 34.

Ведь по отношению к пониманию, восприятию и оценке прошлых деятелей языкознания вполне применим афоризм В. И. Ленина об Аристотеле подлинном, античном и Аристотеле схоластическом — о том, что схоластика убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое. Так и буржуазная историография ставила в заслугу многим деятелям языкознания совсем не то, что составляло подлинную ценность их научных достижений и открытий. Советские языковеды за последние годы сумели восстановить и увековечить живое в лингвистических трудах М. В. Ломоносова (особенно см. подготовленный к печати VII том Сочинений М. В. Ломоносова, издаваемый Академией Наук СССР, и комментарии к нему), А. Х. Востокова, И. И. Срезневского. Они стали шире и глубже понимать значение взглядов В. Г. Белинского на вопросы языка и стиля, на развитие русского литературного языка, значение философско-лингвистических воззрений и конкретных языковедческих работ Н. Г. Чернышевского в истории нашего отечественного языкознания. Были сделаны попытки пересмотреть с позиций марксистской теории и истории языка лингвистические труды и теоретические воззрения А. А. Потебни, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и других отечественных языковедов. Извлечены из-под спуда запрещенные к выходу в свет учениками Н. Я. Марра труды А. М. Селищева («Старославянский язык») и работа проф. Л. П. Якубинского «История древнерусского языка». Подготовлена монография (М. В. Канкава) о Дале как лексикографе. Силами институтов Языкознания, Востоковедения и Славяноведения Академии Наук СССР подготавливается общий очерк истории отечественного языкознания. Ведется однородная работа и в языковедческих учреждениях других академий. Институт языка Академии Наук Армянской ССР выпускает работу Г. О. Сантадзе «Основные этапы истории арменистики».

Но нельзя ограничиться изучением истории развития науки о языке лишь в нашей стране. Мы должны стать наследниками всех передовых, еще не потерявших значения теоретических и конкретно-исторических достижений всей мировой науки, которая не исчерпывается научной мыслью Европы. До сих пор история языкознания состояла в изложении того, что думали о языке Бопп, Гумбольдт, Шлейхер и т. д. Она мало интересовалась, например, тем, что думал о языке и его диалектах Ян Сюн (I в. до н. э.), что думал о языке и его отражении в письменности Сюй Шэнь (I в. н. э.), как представлял себе фонетическую сторону языка Шень Юэ (V—VI вв.) или Гу Янь-у (XVII в.) и т. п.

Конечно, в этом повинны прежде всего востоковеды. Они не сумели до сих пор показать, как развивалась наука о языке в Китае и Японии, какое значение она представляет для общей истории языкознания. Никому из китаеведов и японоведов, да и арабистов, не приходило в голову, что история науки о языке может быть связана не только с именами Боппа, Гумбольдта и т. д. Никто не отрицает великих заслуг в развитии науки о языке этих ученых и целой плеяды других ученых Европы. Но сейчас было бы непростительно полагать, что ими эта наука и ограничивается или всецело определяется. Самым широким образом нужно ввести в общую науку о языке труды ученых Индии, арабских стран, Средней Азии, Китая, Японии. Надо брать при этом исследователей-языковедов, работавших в древнюю пору и Средние века в этих странах: именно там мы найдем самостоятельность, найдем свежие и новые для нас наблюдения, ценнейший материал.

От истории развития знания о языке неотделима история лингвистической терминологии, а также история народных воззрений на язык, на языковые явления. Народ — творец и носитель языка — сам по-своему оценивает разные явления и категории своего языка, выражая свое понимание

их в соответствующих названиях. Эти народные термины и слова — характеристики языковых явлений — представляют собой ценнейший материал для истории изучения познавательной работы народного мышления, не только запечатленного в языке, но и направленного на самый язык.

*

В тесной связи с изучением общественных функций языка на основе сталинского понимания языка как средства общения и как орудия развития и борьбы — находится оживление интереса к вопросу о роли языка как «первоэлемента» художественной литературы. Деятелей литературы влекло к этой проблеме естественное стремление теоретически и практически уяснить себе во всех деталях, с одной стороны, процессы, развивающиеся в языках социалистических наций, и воздействие на них художественной литературы, а с другой стороны, возможные способы и принципы художественного использования общенародного языка и его стилей в произведениях социалистического реализма. Общее направление развития стиля социалистического реализма в этом отношении было охарактеризовано в полном соответствии с ленинским и сталинским пониманием социального значения языка А. М. Горьким: «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней»⁸. В статье «О социалистическом реализме» Горький писал: «Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг. Для писателя-художника необходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря, и необходимо уметь выбирать из него наиболее точные, ясные, сильные слова»⁹. В художественной литературе получают конкретное воплощение общие принципы нормализации общенародного языка. Тут определяются нередко и пути его дальнейшего развития. Роль художественной литературы в развитии языков социалистических наций огромна.

Любопытно, что и в этом вопросе о значении художественной литературы в развитии языков социалистических наций «ученики» Н. Я. Марра занимали позицию, прямо противоположную точке зрения передовой советской общественности.

Таким образом, советская лингвистика обязана была сразу же приступить с позиций марксистской теории языка к изучению специфики применения общенародного языка в художественной литературе для воплощения замысла писателя. Эта же задача с иной стороны интересует литературоведа. Естественно поэтому, что вопросы о влиянии художественной литературы на развитие общенародного, национального языка, о роли писателей в развитии литературного языка, о стилистическом многообразии художественной литературы и устной народной поэзии, об общенародном и индивидуальном в языке писателя, о сущности индивидуально-художественного стиля и связи его с мировоззрением писателя — все эти и многие другие вопросы, связанные с изучением речевой специфики художественной литературы и ее жанров, остро встали перед советскими языковедами, литературоведами и писателями. Нельзя сказать, чтобы здесь уже были достигнуты большие успехи. Но самая новизна постановки этих вопросов в свете сталинского учения о языке и огромный общественный интерес к ним в высшей степени знаменательны. Для языковедов особенно важно

⁸ М. Горький, О литературе, М., 1937, статья «О языке», стр. 147.

⁹ Там же, статья «О социалистическом реализме», стр. 344.

изучение соотношения и взаимодействия общенародного разговорного языка и литературной речи в разные периоды истории языка и народа. В истории русского языка от исследования этого взаимодействия зависит решение вопроса о возникновении древнерусского (древневосточнославянского) литературного языка и письменности. Необходимо отметить также произведенные за два года попытки, пусть и не во всем убедительные, недостаточно последовательные и часто противоречивые, более конкретно описать стилевое многообразие разных национально-литературных языков (например, русского, украинского, английского)¹⁰. Создание стилистики национального, общенародного языка расширяет базу для построения описательных грамматик и лексикологий и вместе с тем служит опорой для изучения своеобразий литературно-художественного применения общенародного языка. В стилистике национального языка должны быть описаны и раскрыты функциональные различия форм речи в зависимости от условий, ситуации, цели, задачи, содержания языкового общения. Искусство же мастера художественного слова состоит в том, чтобы находить, по выражению Льва Толстого, «единственно нужное размещение единственно нужных слов». Стилистика национального языка имеет много точек соприкосновения со стилистикой литературно-художественной речи. Углубленная работа над изучением стилей национально-литературных языков, уже начавшаяся, приведет к более четкому и ясному пониманию функциональных своеобразий речи литературно-художественных произведений. Нельзя не признать слишком прямолинейным и упрощенно схематичным определение «стиля художественной речи» как простой разновидности книжного стиля литературного языка, соотносительной с научным и публицистическим его стилями¹¹.

Роль художественной литературы (и, следовательно, «стиля художественной речи»), конечно, неодинакова в разные периоды развития литературного языка. Но в эпоху становления национального языка и последующего его развития художественная литература является лабораторией, в которой происходит отбор и «отработка» средств национально-литературного выражения и в которой определяется национально-языковая норма. Так было в истории русского языка, и тот же процесс, хотя и с своеобразными национально-историческими видоизменениями, мы наблюдаем в развитии многих других литературных языков Советского Союза. Вместе с тем, если стилистика национального языка является могучим подспорьем при изучении специфики литературно-художественной речи и ее жанров, то и, наоборот, стилистическое изучение речи литературно-художественных произведений (или, как принято говорить, «языка писателя») содействует разработке и углублению основных понятий и категорий стилистики национального языка, а также его семантики.

Изучение специфики речи художественной литературы в свете сталинского учения о языке у нас еще только развивается. Организация творческих дискуссий по этому вопросу могла бы помочь быстрейшему уяснению основных задач и принципов лингвистического исследования в этой области. В этой связи можно было достигнуть и более ясного и научного, т. е. марксистски оправданного понимания существа речевого стиля писателя—

¹⁰ См. например, статью доц. Н. Н. Амосовой «К проблеме языковых стилей в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка», «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 5. См. также автореферат докторской диссертации И. К. Белодеда «Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода, 1945—1950)», Киев, 1951. Сюда же отчасти примыкают популярные «Очерки по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева, 1952.

¹¹ См. проф. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1952, стр. 14.

в его неразрывном единстве с идейно-художественным содержанием творчества писателя. Еще Белинский видел в слоге (или стиле) «живую органическую ответственность формы с содержанием..., умение выразить мысль тем словом, тем оборотом, какие требуются сущностью самой мысли»¹². Взаимодействие языковедения и литературоведения как основных филологических дисциплин, скрепленное трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания, должно привести к большим плодотворным результатам в области исследования индивидуально-художественного стиля писателя, стиля литературного направления, стилистики художественной речи вообще. Эти результаты, в свою очередь, отразились бы и на изучении специфики стилей научной и публицистической речи и дали бы много материала для освещения важных общетеоретических проблем, например, таких: «язык как средство воплощения мысли», «язык как средство выражения и закрепления мировоззрений», «язык как средство общественного воздействия и убеждения».

*

20 июня, годовщина выхода в свет классического произведения творческого марксизма — работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», — праздник советской лингвистической науки. Вместе с тем этот день для советских языковедов — день подведения итогов своей работы по выполнению сталинских указаний. Итоги есть, но они очень скромны и далеко не таковы, какими должны бы быть и каких вправе ждать от советских языковедов наша страна. Все советские языковеды должны приложить все свои силы к тому, чтобы достигнуть, наконец, более ощутимых результатов в развитии марксистского языкознания и добиться успехов, достойных того большого внимания, той всемерной помощи и тех неустанных забот, которыми наша наука обязана советскому правительству, большевистской партии, великому ученому мира, гениальному вождю народов И. В. Сталину.

¹² В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. II, стр. 148.